

УДК 343.2
DOI 10.52452/19931778_2023_6_147

ТИПИЧНЫЕ И НЕТИПИЧНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ В МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© 2023 г.

Б.В. Яцеленко

Всероссийский государственный университет юстиции, Москва

ya.borisvik@mail.ru

Поступила в редакцию 11.07.2023

Анализируется механизм уголовно-правового регулирования в контексте учения о юридических фактах уголовного права. Раскрывается уголовно-правовая природа и значение типичных юридических фактов в виде совершаемых преступлений и нетипичных для уголовного права юридических фактов, связанных с причинением вреда при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния (ст. 37–43 УК РФ), а также совершением общественно опасных деяний неделиктоспособными лицами (малолетними и невменяемыми). В статье сделан вывод о целесообразности дополнения уголовного законодательства нормами, регламентирующими принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к лицам, совершившим общественно опасное деяние до достижения возраста уголовной ответственности.

Ключевые слова: механизм уголовно-правового регулирования, юридические факты уголовного права, преступление, общественно опасные деяния неделиктоспособных лиц.

Реализация имеющегося в уголовном праве репрессивного потенциала реагирования на поведение людей, вступивших в конфликт с уголовным законом, отражает динамический процесс, именуемый уголовно-правовым регулированием. Категория «уголовно-правовое регулирование» характеризует уголовное право с активно-действенной стороны. Инструментально-правовой механизм уголовно-правового регулирования в специальной литературе представлен главным образом в виде нормы права, юридического факта и правоотношения [1, с. 32–33]. Законодательная модель механизма уголовно-правового регулирования в самой общей форме воплощена в ч. 2 ст. 2 УК РФ. В ней предусмотрено, что для решения отраслевых задач уголовный закон «устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений». В этом фрагменте законодательного текста акцентируется внимание на преступлении как типичном, т.е. характерном исключительно для уголовного права юридическом факте, одном из элементов механизма уголовно-правового регулирования. Однако законодательная модель механизма уголовно-правового регулирования отнюдь не ограничивается прямым упоминанием об этом уголовно-правовом факте. И само преступление, и его уголовно-правовые последствия – уголовная

ответственность, наказание, а также иные меры уголовно-правового характера, как известно, обретают свое юридическое бытие в нормах Общей и Особенной части УК РФ. Указывая в ч. 2 ст. 2 УК РФ на преступление и его правовые последствия, законодатель имеет в виду нормы, определяющие социально-правовую природу преступных деяний, а также устанавливающие карательные инструменты государственной реакции на них. Посредством этих норм регулируются отношения, направленные на охрану личных, общественных и государственных интересов от преступлений. Юридическое своеобразие этих норм заключается не только в том, что в своем статичном, т.е. законодательно оформленном виде, они входят в структуру механизма уголовно-правового регулирования в качестве одного из его элементов. Им, как отмечал С.С. Алексеев, так же как и любым другим правовым нормам, присуща специфическая роль – закрепление содержания правовых отношений [2, с. 68]. Эти отношения, как известно, представлены в правовой норме в виде правовой связи между их участниками, основанной на принадлежащих им субъективных правах и обязанностях. Не являются исключением и уголовно-правовые нормы, которые в развитие предписания ч. 2 ст. 2 УК РФ предусматривают наказание и иные меры уголовно-правового характера для лица, совершившего преступление. Факт совершения преступления фиксирует начало превращения законодательной модели механизма уголовно-

правового регулирования в реальный механизм правового воздействия на человека, переступившего черту дозволенного уголовным законом поведения. При появлении в социальной действительности юридического факта-преступления приводится в действие не только соответствующая уголовно-правовая норма, но и корреспондирующее ей уголовно-правовое отношение, иными словами, механизм уголовно-правового регулирования в целом. Как отметил Н.А. Огурцов, в каждом случае совершения преступления возникшее уголовно-правовое отношение «как бы «переводит», «переключает» общие правила и веления уголовно-правовых норм в конкретные правила поведения участников (субъектов) уголовно-правового отношения, очерчивает круг носителей субъективных юридических прав и обязанностей, индивидуализирует предписания уголовного права, закрепляет за субъектами правоотношения конкретные субъективные права и обязанности» [3, с. 19].

Нормативно материализованный в ч. 2 ст. 2 УК РФ механизм уголовно-правового регулирования представляет собой необходимый правовой ресурс для реализации отраслевых задач в случаях реального появления на поверхности социальной жизни юридических фактов – преступлений. В таких ситуациях уголовно-правовое регулирование и его механизм предстают перед нами уже не как статическое, а как разворачивающееся во времени и в пространстве динамическое уголовно-правовое явление, детерминированное фактом совершения преступления. Причем жизненные обстоятельства в виде запрещенных уголовным законом общественно опасных деяний не только детерминируют охранительные уголовно-правовые отношения, образующие предмет уголовно-правового регулирования, но и преобладают в нем. В силу особой природы и выполняемых отраслью уголовного права функций, доминирование юридических фактов-преступлений в структуре уголовно-правовых фактов механизма уголовно-правового регулирования отнюдь не случайно. Им принадлежит роль, которая имеет основополагающее значение как для динамического бытия механизма уголовно-правового регулирования, так и для динамического бытия уголовного права в целом. Дело в том, что реальное функционирование механизма уголовно-правового регулирования, в котором юридические факты-преступления являются необходимыми звеньями, связующими нормы права с охранительными уголовно-правовыми отношениями, осуществляется в определенный, ограниченный период времени. Механизм уголовно-правового регулирования существует и реали-

зует заложенный в его нормах посредством правоотношений регулятивный и охранительный потенциал в пределах выделения временных границ его начала и окончания. Преступление, будучи закрепленным в тексте ч. 2 ст. 2 УК РФ, является свидетельством того, что именно с ним уголовный закон связывает начало функционирования механизма уголовно-правового регулирования, конечной целью которого должно стать вытеснение из общественной жизни уголовно-правовых конфликтов. Это законодательное решение не может быть поставлено под сомнение уже хотя бы потому, что в нем выражена глубинная социально-правовая суть уголовного права. Уголовное право есть единственная отраслевая подсистема правовых установлений в отечественной системе права, содержащая специальные, только ей присущие, обладающие существенной репрессивностью правовые средства реагирования на социальные конфликты, которые в своем развитии достигают стадии преступления. Именно поэтому уголовный закон (имеется в виду норма ст. 2 УК РФ) при определении сущности уголовного права и стоящих перед ним задач оперирует так называемым типичным для этой отрасли права юридическим фактом – преступлением. Данный уголовно-правовой факт дает толчок «движению» типичному для системы уголовно-правового регулирования виду уголовно-правового отношения, именуемого охранительным отношением или отношением уголовной ответственности. В этом смысле было бы неоправданно игнорировать его первостепенную, детерминирующую роль в процессе возникновения и дальнейшего развития механизма уголовно-правового регулирования в целом. С появлением на поверхности общественной жизни факта преступления уголовное право посредством присущих ему специальных юридических инструментов начинает проявлять себя в сфере складывающихся жизненных отношений как реально действующий правовой ресурс их упорядочения в целях решения отраслевых задач, поддержания гармоничного течения социальной и правовой жизни и сохранения ее стабильного состояния. По мнению С.С. Алексева, «каждой отрасли права свойствен свой особый вид юридических фактов, который выделяется в качестве типического основания возникновения, изменения или прекращения соответствующих правоотношений» [2, с. 67]. Для уголовного права таким особым типичным видом юридических фактов является преступление. Преступление оказывает первостепенное влияние на выбор государством типичного и доминирующего в уголовном праве императивного право-

вого режима, опирающегося на нормы-запреты, предопределяя тем самым отраслевую определенность и своеобразие.

Изложенное отнюдь не означает, что отрасли уголовного права не присущи нетипичные юридические факты как связующие звенья между уголовно-правовыми нормами и правоотношениями. На примере действующего уголовного законодательства можно утверждать, что в его структуре нашлось место и для нормативно оформленных в виде именно уголовно-правовых фактов нетипичных жизненных обстоятельств, находящихся в правовой связи с нетипичными уголовно-правовыми отношениями. Правда, следует все же оговориться, ибо если обратиться к уголовному закону, сделав акцент при этом исключительно на тексте ч. 2 ст. 2 УК РФ, то может показаться, что в нем от внимания законодателя ускользнули другие, кроме преступления, виды юридических фактов, которые не являются типичными для уголовного права. На самом деле это не так. Логика построения действующего ныне уголовного законодательства не дает основания ограничивать механизм уголовно-правового регулирования исключительно типичными юридическими фактами – преступлениями. Нетипичные для уголовного права юридические факты, прямо не названные в норме ч. 2 ст. 2 УК РФ, тем не менее незримо присутствуют в ее содержании, вытекают из него, получая дальнейшую конкретизацию в других уголовно-правовых нормах. Смысл нормы ч. 2 ст. 2 УК РФ заключается в том, что уголовный закон, определяя границы преступного поведения, одновременно очерчивает и границы не преступных поведенческих актов, приобретающих юридическую форму нетипичных юридических фактов. Иными словами, в этой норме указание на нетипичные для уголовного права юридические факты в скрытом виде представлено в ее содержании. Обстоятельства, при которых такие нетипичные юридические факты уголовным законом не признаются преступными, явлены в ряде норм Общей части УК РФ. Содержащийся в них регулятивный и охранительный потенциал произведен от правового потенциала установочной нормы ч. 2 ст. 2 УК РФ, предопределившей реальное уголовно-правовое бытие нетипичных для уголовного права юридических фактов. К таким нормам можно отнести предписания, отражающие уголовно-правовую природу фактов причинения вреда при наличии обстоятельств, исключающих преступность содеянного (ст. ст. 37–42 УК), совершения общественно опасных деяний лицами, не подлежащими уголовной ответственности в силу определенного уголовным

законом возраста (ст. ст. 19, 20 УК РФ) или состояния невменяемости (ст. 21 УК РФ).

Следует отметить, что отсутствие прямого упоминания об этих юридических фактах в ч. 2 ст. 2 УК РФ в некоторой степени усложняет теоретическую оценку их действительной роли в механизме уголовно-правового регулирования. Более того, относительно самостоятельный характер и уголовно-правовая принадлежность этих юридических фактов, а также порождаемых ими правовых отношений, нередко ставится под сомнение [4, с. 163; 5, с. 186–187]. Это не самым продуктивным образом сказывается на уяснении специфики предмета и метода уголовного права в целом.

На наш взгляд, при рассмотрении социально-правовой природы нетипичных юридических фактов уголовного права не следует игнорировать нормы и содержащийся в них право констатирующий потенциал, в которых эти факты зафиксированы. Реализация право констатирующей функции уголовного закона является необходимым звеном процесса уголовно-правового регулирования отношений, возникающих при обстоятельствах, отраженных в нормах ст. ст. 19, 20, 21 и 37–42 УК. Именно в соответствии с этими нормами, воплощающими в себе веления ч. 2 ст. 2 УК РФ относительно законодательного определения как преступного, так и не преступного поведения, устанавливается уголовно-правовая природа жизненных обстоятельств в виде соответствующих поведенческих актов человека, причиняющих вред. Эти нормы демонстрируют зафиксированную в них законодателем модель механизма уголовно-правового регулирования тех фактических отношений, которые являются следствием действия нетипичных уголовно-правовых фактов.

Нормы ст. 37–42 УК РФ реально участвуют в регулировании этих фактических отношений, поскольку содержащийся только в них право констатирующий потенциал позволяет оценить юридическую природу поведения лица, реализовавшего право на причинение вреда в допустимых или, напротив, недопустимых пределах, определенных уголовным законом. Такая оценка может выражаться, с одной стороны, в признании причинившего вред поведения правомерным, а с другой – преступным по нормам Особенной части УК в связи с нарушением пределов (условий) его правомерности. При реализации право констатирующей функции уголовного права посредством норм ст. ст. 37–42 УК РФ подтверждается реальное, т.е. фактическое бытие уголовно-правовых отношений, возникающих из причинения вреда при наличии обстоятельств, исключающих преступность дея-

ния. Причем отнесение этих правоотношений к содержанию предмета уголовно-правового регулирования является следствием признания поведения лица, причинившего этот вред, непроступным, правомерным. Юридическим фактом для возникновения рассматриваемых правоотношений, таким образом, является общественно полезный или социально оправданный акт человеческого поведения, совершенный при соблюдении условий, предусмотренных нормами ст. ст. 37–42 УК РФ, исключающих его общественную опасность и уголовную противоправность за причиненный вред. Поскольку установление таких нетипичных юридических фактов, так же как и возникающих на их основе нетипичных правоотношений, осуществляется в строгом соответствии с предписаниями управомочивающих норм уголовного права в процессе реализации его правоконстатирующей функции, имеются законодательные предпосылки для их отнесения к механизму уголовно-правового регулирования в качестве его структурных элементов.

Социально-правовая природа нетипичных юридических фактов в виде общественно опасных действий неделиктоспособных лиц (малолетних или невменяемых) также имеет свою специфику. Каждый из них представляет собой сложный состав юридических фактов, образуемый сочетанием общественно опасного действия и такого возрастного положения или состояния невменяемости лица, которые не позволяют оценивать его поведение как преступное. В первом случае в связи с недостижением лицом возраста уголовной ответственности, хотя его поведение является волевым, а во втором – из-за отсутствия в его поступке волевой компоненты. С общетеоретической точки зрения подобного рода сложные юридические факты можно рассматривать как относительные или абсолютные события, т.е. жизненные обстоятельства, формирование которых происходило при участии воли людей либо независимо от их воли. В качестве событий эти юридические факты интерпретируются и уголовно-правовыми нормами. К примеру, невменяемость прямо определяется в ч. 1 ст. 21 УК РФ как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность лица, которое совершило общественно опасное деяние, находясь в этом состоянии. В развитие этого нормативного установления ч. 1 ст. 97 УК РФ определяет, что лицам, совершившим деяния, предусмотренные статьями Особой части УК РФ, в состоянии невменяемости, судом могут быть назначены принудительные меры медицинского характера. Следовательно, уголовный закон моделирует

правовую связь совершившего общественно опасное деяние невменяемого лица с государством. На основании этой модели и в связи с фактом совершения конкретного общественно опасного деяния невменяемый неизбежно вступает в отношения с государством в лице соответствующих компетентных органов, которые регулируются нормами уголовного права (ст. ст. 21, 97–101 УК РФ). Р.И. Михеев подчеркивает сложный и динамичный характер уголовно-правового отношения, субъектом которого является невменяемый. По его мнению «оно, как и любое другое, проходит определенные этапы: а) возникновение уголовно-правового отношения в результате совершения душевнобольным лицом в состоянии невменяемости общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом; б) установление и конкретизация уголовно-правового отношения в ходе предварительного и судебного следствия; в) констатация наличия данного вида уголовно-правового отношения и определение формы государственно-правового реагирования; г) реализация и прекращение уголовно-правового отношения в ходе выполнения определения суда» [6, с. 102–103].

В рамках этого отношения государство преследует цели излечения страдающих психическими заболеваниями лиц или улучшения их психического состояния. Кроме того, государство осуществляет функцию защиты общества от возможных в будущем общественно опасных действий с их стороны, опираясь на предусмотренные уголовным законом принудительные меры медицинского характера. В случае констатации на основании уголовного закона состояния невменяемости лица в момент совершения им общественно опасного деяния суд вправе применить к нему одну из предусмотренных уголовным законом принудительных мер медицинского характера, если это вызывается необходимостью. При этом суд обязан соблюдать права и законные интересы невменяемого, реализуемые им лично или через своего представителя. Невменяемый, в частности, имеет право требовать от суда, чтобы совершенное им общественно опасное деяние не признавалось преступлением, устраняло его уголовную ответственность и наказание, а применение принудительных мер медицинского характера осуществлялось при наличии содержащихся в уголовном законе оснований.

Свои отличительные особенности присущи также нетипичным для уголовного права юридическим фактам, именуемым относительными событиями, структуру которых образуют общественно опасное деяние и состояние малолетне-

го, совершившего это деяние до наступления возраста уголовной ответственности. Уголовно-правовая природа этих юридических фактов вытекает из содержания норм ст. ст. 19 и 20 УК РФ, определяющих возрастные пределы уголовной ответственности. Специфика содержащихся в этих нормах велений заключается в том, что, с одной стороны, они фиксируют нижние возрастные границы состояния уголовной деликтоспособности, которое наступает с момента достижения лицом возраста уголовной ответственности. С другой стороны, эти нормативные веления очерчивают верхние возрастные границы состояния, которое в противоположность уголовной деликтоспособности можно назвать состоянием уголовной неделиктоспособности. Юридическое бытие этого состояния существует до достижения лицом возраста уголовной ответственности. Уголовная неделиктоспособность предопределяет непреступный характер общественно опасного деяния, которое может быть совершено лицом, находящимся в этом состоянии. Однако следует иметь в виду, что в нормах ст. ст. 19 и 20 УК РФ законодатель не ограничивается только тем, что наряду с уголовной деликтоспособностью по сути определяет и ее противоположность – уголовную неделиктоспособность. Уяснение смысла содержащихся в этих нормах предписаний в согласованном единстве с положениями ст. ст. 8 и 14 УК РФ убеждает в их более широком функциональном предназначении. С нашей точки зрения, посредством этих норм законодатель предначертал модельные контуры того инструментального механизма регулирования отношений, которые возникают в связи с совершением лицом общественно опасного деяния до наступления возраста уголовной ответственности. Именно на основании вышеуказанных норм государство регулирует отношения, являющиеся следствием действия нетипичного уголовно-правового факта – относительного события, образованного сочетанием общественно опасного деяния и состояния уголовной неделиктоспособности лица, его совершившего. Функция упорядочения этих фактических отношений, вытекающая из смысла ст. ст. 19 и 20 УК РФ, отнюдь не случайно принадлежит нормам уголовного права. Содержащиеся в них предписания говорят о том, что отношения между лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, и государством обусловлены только тем фактом-событием, признаки которого вытекают из уголовного закона. Квалификации этого факта в качестве преступления препятствует его составляющая – состояние неделиктоспособности лица, совершившего общественно опасное деяние. Установление и юридическая констатация

этого состояния осуществляется от имени государства его компетентными представителями (должностными лицами и государственными органами) исключительно в соответствии с уголовным законом и в рамках уголовно-правовых отношений. Результатом упорядочения этих отношений является подтверждение отсутствия в совершенном общественно опасном деянии признаков преступления и официальное признание его уголовно ненаказуемым. Этот результат, достигнутый в процессе уголовно-правового регулирования рассматриваемого вида отношений, с одной стороны, свидетельствует о реализованном праве на неприкосновенность от необоснованного применения уголовного наказания одним из его участников – лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности. С другой стороны, этот результат есть юридическая констатация исполнения другим его участником – государством обязанности гарантировать соблюдение этого права в соответствии с провозглашенными в уголовном законе принципами и основанием уголовной ответственности. К сожалению, правоконстатирующая функция уголовного права ограничивается первоначальным этапом существования правоотношения между государством и лицом, совершившим общественно опасное деяние до достижения возраста уголовной ответственности. Она не распространяется на другие обусловленные этим нетипичным уголовно-правовым фактом его стадии, регулируемые нормами иной отраслевой принадлежности (в настоящее время – нормами Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»). Это заметно снижает гарантийный потенциал уголовного закона в целом, поскольку вне уголовно-правового регулирования остаются юридические последствия действия нетипичного для уголовного права юридического факта – совершения предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности. Повышению гарантийного потенциала уголовного закона при регулировании правоотношения, обусловленного действием этого нетипичного уголовно-правового факта, способствовало бы дополнение раздела VI Общей части УК РФ главой «Принудительные меры воспитательного воздействия». Нормы этой главы могли бы регулировать правоотношение между государством и лицом, совершившим общественно опасное деяние до достижения возраста уголовной ответственности, на всех этапах его возникновения, развития и прекращения без вовлечения в этот процесс предписаний иной отраслевой принадлежности.

Список литературы

1. Филимонов В.Д. Генезис уголовно-правового регулирования. М.: Норма – Инфра-М, 2015.
2. Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961.
3. Огурцов Н.А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве: Учебное пособие. Рязань: Рязанская высшая школа МВД СССР, 1976.
4. Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права. СПб.: Издание профессора Малинина, 2005.
5. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. 1. Понятие уголовного права. Механизм уголовно-правового регулирования / Под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016.
6. Михеев Р.И. Невменяемый в советском уголовном праве (субъект и личность): Учебное пособие. Владивосток: ДВГУ, 1981.

TYPICAL AND ATYPICAL LEGAL FACTS IN THE MECHANISM OF CRIMINAL LAW REGULATION*B.V. Yatselenko*

The article analyzes the mechanism of criminal law regulation in the context of the doctrine of the legal facts of criminal law. The article reveals the criminal-legal nature and significance of typical legal facts in the form of crimes committed and legal facts atypical for criminal law related to causing harm in the presence of circumstances precluding criminality of the act (Articles 37–43 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as the commission of socially dangerous acts by indelicate persons (minors and insane). The article concludes that it is advisable to supplement the criminal legislation with norms regulating compulsory measures of educational influence applied to persons who have committed a socially dangerous act before reaching the age of criminal responsibility.

Keywords: mechanism of criminal law regulation, legal facts of criminal law, crime, socially dangerous acts of indelicate persons.

References

1. Filimonov V.D. The genesis of criminal law regulation. M.: Norm – Infra-M, 2015.
2. Alekseev S.S. General theoretical problems of the system of Soviet law. M.: State Publishing House of Legal Literature, 1961.
3. Ogurtsov N.A. Legal relations and responsibility in Soviet criminal law. A study guide. Ryazan: Ryazan Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1976.
4. Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 1. The concept of criminal law. St. Petersburg: Edition of Professor Malinin, 2005.
5. Criminal law. The general part. Crime. Academic course. In 10 vols. Vol. 1. The concept of criminal law. The mechanism of criminal law regulation / Ed. by N.A. Lopashenko. M.: Yurlitinform, 2016.
6. Mikheev R.I. The insane in Soviet criminal law (subject and personality). A study guide. Vladivostok: FESU, 1981.